

Посмертная выставка Леона Бакста

(От нашего парижского корр-та).

Вблизи Елисейских полей, на одной из самых буржуазных улиц Парижа — Фобург Сент-Овора, — в отеле Жана Шарпантье открыта выставка произведений Леона Бакста.

Собрано 325 вещей.

Конечно, далеко не все, что сделано Леоном Бакстом в течение всей его жизни. Но столько, чтобы дать, более или менее, полное представление о путях и вкусах, об устремлениях и стиле его творчества.

Бакст — европеец. Бакст — эзотик. Бакст — парижанин. В прекрасной изданной монографии о Баксте Андрей Левенсон пытается доказать, и даже на двух языках — французском и английском — об органической связи Бакста с Россией. Мы в это не верим и этого не видим. Может быть, творчество Бакста, в какой-то мере, и было связано с миром наших бывших императорских театров, отражавших желания и воззрения Дворцовой палатки и нескольких аристократических кварталов в районе Летнего сада. России Бакст никогда не являлся. Россией никогда не жил в своих венах. Бакст слишком утончен и изыскан.

Аудитория выставки в отеле Шарпантье наглядно утверждает, для кого всю свою жизнь работал Бакст. Какими образами он вдохновлялся и какими мыслями насыщал свое творчество!

Бакст — поэт Елисейских Полей. Их обитатели это давным давно оценили. Они и теперь благовеинно ступают по мягким коврам-фелпенебеловой галлерей, и шепотом вырывают знаки своего высшего одобрения. Выставка Бакста превращена в живую выставку представителей парижской аристократии и буржуазии. Бакста разглядывают в монокль и в лорнет. Простыми здоровыми глазами на его вещи почти не смотрят. Ибо те, кто не носит ни лорнета, ни монокля, не способны больше очаровываться Бакстом.

Бакст — несомненный мастер. Он владеет искусством эстетического оформления, как редко кто из художников его мироощущения. Его работы принадлежат эскизы к наиболее замечательным постановкам в Гран-Опера и Шателю, для спектаклей с участием Иды Рубинштейн. Это он оформлял постановки: «Муки св. Себастиана» Габриэля д'Аннуцио, «Федры» Расина, «Елены Спартакской» Верхарна, «Саломея» Уайльда.

Это он — вдохновитель русского балета С. Дягилева и даже французского балета в Гранд-Опера. Это он принес с собой новое в балеты: «Клеопатра», «Дафнис и Хлоя», «Нарцисс», «Игры», «Барнабелло» Шумана, «Фавн после полудня», «Легенда об Иосифе».

В театре и в балете Бакст был живописен и щедр богатством своих красок, ослепительны многообразием своих оттенков, нюансов, очертаний.

После тусклости старых парижских постановок спектакли Бакста показали «волшебством и чародейством художника».

Бакст, действительно, внес яркость и звонкость в драму, в оперу и в балет.

Но сегодня театр Бакста уже — тугубое прошлое. Время его стиля упло.

Нет необходимости в щедрости его красок.

Нет строгости в его великолепии. Нет оригинальности в его «волшебстве». Больше того, для нас все это — ни в какой мере не шедро, не великолепно и не волшебство. Только изысканно, только изощренно, только «турманно».

Как мастер портрета, Бакст ближе к сегодняшнему дню, хотя и здесь его рисунок излишне слащав, и, во всяком случае, слишком ожирел.

Бакст — портрет и тоней искусства старой Европы. Его русские эскизы написаны так, будто бы их писал иппостраф. Такой обычный прием изображения России в Европе — через стилизованное и рафинированное искусство эстетического лубка.

Бакст — мир утонченного эстетизма. В этом он достиг высших вершин. Но что поделаешь, если старый эстетизм сравнен с землей жиркой и лопатой нашего современного мироощущения. У нас — другой эстетизм, тот, который, может быть, не нравился Елисейским Полям, но близок к строителям молодого и нового быта.

САМУИЛ МАРГОЛИН.

Париж, 12 ноября 1925 г.

КРЕСТ и МАУЗЕР

лучшая картина сезона

3320